

ЛОГОС_

ISSN 0869-5377
eISSN 2499-9628

НОВЫЕ ОНТОЛОГИИ

ТОМ 27
№3
2017



Содержание

- 1 Грэм Харман. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда

СПЕКУЛЯТИВНЫЕ ОНТОЛОГИИ

- 35 Мануэль Деланда. Новая онтология для социальных наук
57 Дмитрий Вяткин. «Плазма в себе»: между онтологией и эпистемологией
83 Мария Ерофеева. Акторно-сетевая теория: объектно-ориентированная социология без объектов?
113 Георгий Коновалов. Corpus vs Object. Онтология тел Жан-Люка Нанси как объектно-ориентированная
127 Стивен Шавиро. Вселенная вещей
153 Эндрю Пикеринг. Новые онтологии
173 Игорь Красавин. Гетерархия множества

ПОСЛЕ ТЕОРИИ

- 199 Питер Осборн. Философия после теории. Трансдисциплинарность и новое
227 Рэй Брассье. Понятия и объекты

Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда

ГРЭМ ХАРМАН

Профессор, факультет философии, Американский университет Каира (AUC).
Адрес: AUC Ave., P. O. Box 74, 11835 New Cairo, Egypt. E-mail: gharman@aucegypt.edu.

Ключевые слова: ассамбляж; катализ; виртуальное; сеть; актер; плоская онтология.

Статья посвящена сопоставлению философии Мануэля Деланда и Бруно Латура на почве реализма и реабилитации вещей. Автор начинает с представления этих фигур, чтобы затем перейти к изложению и сопоставлению их позиций. Реализм находится если не в упадке, то на периферии философского мейнстрима, и Деланда — один из немногих его сторонников. Латур, хотя и не является реалистом, примечателен своим вниманием к объектам и их активности. Свою же позицию автор квалифицирует как «реалистический формализм».

Представление философии Деланда автор начинает с изложения пяти базовых компонентов его онтологии. Помимо реализма, это антиэссенциализм, номинализм и историзм вида и виртуализм рода, теория катализа и нелинейная причинность, четырехчастность мира. Последняя конституирована осями

материальное — экспрессивное и территориялизация — детерриторизация. Критически оценивая реалистическую традицию, Деланда выдвигает в противовес оппозиции субстанции и агрегата понятие ассамбляжа. Этот центральный концепт его построений задается теорией части и целого. Идеи Латура излагаются и сопоставляются автором с философией Деланда по тем же пяти пунктам. По мнению автора, ему не хватает общей теории причинности. С Деланда они расходятся в вопросах реализма и виртуальности: Латур — чистый актуалист. Завершается обзор мысленным экспериментом. Автор предпринимает попытку очертить возможное будущее, в котором идеи Латура и Деланда стали мейнстримом философии. Это было бы господство реалистических «плоских онтологий», ахиллесовой пятой которых стала бы именно теория причинности.

БРУНО Латур и Мануэль Деланда не остались неизвестны современной философии. У обоих авторов в разных странах есть много последователей, и их можно с уверенностью назвать знаменитыми, хотя иногда мне и приходилось объяснять друзьям, в остальном знакомым с последними философскими веяниями, кто они такие. Однако даже для тех, кто знаком с их книгами, Латур и Деланда обычно остаются интересными фигурами где-то на обочине нынешних дискуссий. К сожалению, никто из них не возглавляет чего-то вроде международной философской школы в отличие от других представителей их поколения¹. Акторы, ассамбляжи, или «объекты», как мы будем называть их, заслуживают права стать ареной битв первой философии. Это все еще может случиться, раз человеческий субъект вместе со всеми его явными и завуалированными формами исчерпал последние оставшиеся варианты преобразования и окончательно теряет свой статус Императора философии.

Бруно Латур долгое время ассоциировался со школой *акторно-сетевой теории*. При всей ее международной известности в социологии, антропологии и исследованиях науки влияние этой теории на философию стремится к нулю. После сотен работ о философии Жака Деррида и дюжин о Жиле Делёзе, боюсь, нет ни одной работы, посвященной Латуру как философу. Если философы вообще упоминают его, то в рубрике «философия науки», что почти так же вводит в заблуждение, как и квалификация Бергсона как «философа биологии» или Шопенгауэра как «философа искусства». Предполагаемая латуровская философия науки на деле является общей метафизикой акторов, которые сходятся и борются в сетях, даже оставаясь частично отделяемыми от них. Это не моя личная вымученная интерпретация: Латур сам предпочитает числиться по ведомству метафизики, и требуется самый минималь-

Перевод с английского *Александра Писарева* по тексту доклада, прочитанного 20 апреля 2007 года в Голдсмитском колледже (Лондон). Публикуется с любезного разрешения автора.

1. Мануэль Деланда родился в 1952 году, Бруно Латур — в 1947 году. — *Прим. пер.*

ный перевод, чтобы переформулировать его идеи в более знакомых философских терминах, если это будет необходимо.

В книге Мануэля Деланда «Новая философия общества»² его позиция обозначена как *теория ассамбляжа*, а его почитатели находятся чуть ближе к профессиональной философии. Если у Деланда и есть какие-то недоброжелатели, то даже они признали бы, что стиль его письма отвечает стандартам ясности изложения, устанавливаемым аналитической философией. Было бы невозможно охарактеризовать его как «нефилософского» автора, и я сомневаюсь, что кто-нибудь вообще пытался. Подобно Латуру, он пришел к онтологии неортодоксальным путем; в обоих случаях *curriculum vitae* необычен для философа. Однако они оба изолированы от магистральных философских дискуссий двумя разными механизмами. У Латура уже есть тысячи читателей, действительно *согласяющихся* с его точкой зрения. Они просто не являются профессорами философии, и его идеи вызывают восхищение или отвергаются в качестве чего-то иного, нежели философия. Напротив, Деланда не просто читают философы — его обычно читают среди барабанов бонго и фимиама самых модных божественных кругов в профессии. Это странно не только из-за лабораторной точности его стиля (по сравнению с длинными, покрытыми граффити стенами его предшественника Делёза), но и потому, что Деланда открыто называет себя *реалистом*. И если сам он у кого-то популярен, то реализм вышел из моды почти везде, даже среди его читателей.

Еще пара слов о реализме. Насколько мне известно, Бруно Латур никогда не называет себя реалистом и, вероятно, отверг бы этот ярлык (если его вообще когда-либо к нему применяли). Однако и теория ассамбляжа Деланда, и акторно-сетевая теория Латура отсылают к большим объединениям объектов, взаимодействующих, даже будучи отделимыми от соединений, в которых они участвуют. Оба — антикоперникианцы, отрицающие сколько-нибудь значимый разрыв между людьми и миром, и оба также стараются избежать псевдореволюции, отрицающей такой разрыв, просто превращая людей и мир в равноправных партнеров. Иными словами, оба вносят вклад в то, что я назвал бы объектно-ориентированной онтологией. Пусть «объект» обозна-

2. DeLanda M. A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity. L.: Continuum, 2006. Рецензию на эту книгу см. в: Майорова К. Ассамбляжи на плоскости: минимализм в социальной теории // Логос. 2017. Том 27. № 1. — Прим. ред.

чает любую единую реальность — будь то атомы, овощи, нации или песни, — подвергающуюся изменениям или поддерживающую множество представлений, оставаясь при этом все той же. Понимаемый так объект был трагическим персонажем философии со времен Канта и практически исчез, уступив навязчивой философии доступа, которая никогда не позволяет миру взаимодействовать *с самим собой* даже когда ложно утверждает, что оставила субъект-объектный спор позади. Объектно-ориентированная философия пытается исправить эту несправедливость, возвращая объекты в центр философии, где они пребывали когда-то в образе субстанции или монады. Как бы то ни было, мы должны избегать ограничения объектов вещами природы, как это делали ранние философии субстанции. Подводные лодки являются объектами не меньше, чем рыба, а искусственно полученный плутоний — такой же объект, как естественный уран. Далее я кратко рассмотрю вклады Деланда и Латура в объектно-ориентированную метафизику (на этот раз в алфавитном порядке), завершив рассмотрение некоторыми соображениями о долгом пути, ждущем впереди этот стиль философии. В случае Деланда я сосредоточусь на книге «Новая философия общества», где он говорит полностью от своего имени и уделяет меньше внимания некоторым, скорее, делёзианским темам его предыдущей книги³.

Реализм и его альтернативы

В первом параграфе «Интенсивной науки и виртуальной философии» Деланда делает откровенное заявление:

Есть философы, предоставляющие реальности полную независимость от человеческого разума, пренебрегая различием наблюдаемого и ненаблюдаемого. <...> Эти философы строят реалистическую онтологию. Делёз является таким реалистическим философом, что само по себе должно отличать его от большинства постмодернистских философий, остающихся в основном антиреалистическими⁴.

Такое толкование разделяют отнюдь не все члены делёзианского сообщества; впрочем, меня здесь интересует вовсе не Делёз. Интересует меня свойственное многим инстинктивное отвращение к слову «реализм». Как ярко описывает Деланда, «десятилетиями

3. DeLanda M. Intensive Science and Virtual Philosophy. L.: Continuum, 2002.

4. Ibid. P. 4.

признать кого-то реалистом значило признать его хулиганом-недорослем»⁵. Употребление здесь прошедшего времени, возможно, слишком оптимистично, поскольку во все не очевидно, что эти десятилетия прошли. Когда континентальная философия начала в середине 1990-х годов переход от декадентского финала исследований Хайдеггера — Деррида к новейшей смеси Делёза, Жижека и Бадью, реализм не потерял среди читателей свой статус насильника. Толкование Делёза как реалиста поражает меня как вероятное, но уж точно не как *очевидное* — во всяком случае реализм точно не является причиной популярности Делёза. В случае Жижека и, возможно, даже Бадью реализм в какой-то степени оказывается наивным врагом, подвергающимся атаке, если реализмом называть любую философию, в которой есть реальные вещи и отношения между ними, независимые от всякого присутствия мысли или субъекта (привязаны или нет эти термины к человеку). Это ставит Деланда в странную позицию модного автора с очень немодной теорией.

Недавняя предвзятость против реализма понятна. Определяется ли философия как чудо, *Angst* или что-то менее драматичное, она, как предполагается, обещает опрокинуть здравый смысл и дать расцвести причудливым цветам. К сожалению, наиболее ассоциируемая со здравым смыслом точка зрения — это, как правило, реализм или, еще хуже, «наивный реализм» (словосочетание, в котором прилагательное «наивный», предположительно, все решает за наше мышление). Настоящими философами считаются те, кто раздвигает границы смелыми концептуальными авантюрами, в то время как на долю реалиста выпадает роль мрачного Инквизитора. Это безрадостная властная фигура, раздающая философам подзатыльники всякий раз, когда они забредают слишком далеко и теряют из виду факты. К реализму относятся как к скорее исправительной, чем предприимчивой силе, находящейся с философией в тех же отношениях, что санитарная инспекция — с ресторанами. Его задача — предостеречь философию от выхода за пределы приемлемого поведения; вся творческая энергия, как предполагается, остается за этими пределами.

Иногда такую критику реализма можно найти даже среди тех, кто называет себя материалистами. Жижек — выдающийся пример, ведь антиреалистский характер его взглядов столь же очевиден, как и периодические отрицания им этого. Поскольку он бесконечно апеллирует к своему чистому философскому эросу и отвязному характеру игрока, мы можем полностью отвергать

5. Из личной беседы (30 января 2007 года).

его взгляды, оставаясь при этом под впечатлением от их открытой дерзости. Здесь я буду цитировать Жижека, не пародируя его манеру, как бы весело это ни было. В беседах с Глином Дейли он утверждает, что «Кант был первым философом»⁶, закономерно ожидая возмущения историков, но при этом он, как кажется, убежден, что только заплесневелые профессора могут чувствовать хоть какую-то ностальгию по докоперникианской философии. (Показательно в этом отношении полное отсутствие у него интереса к Альфреду Уайтхеду.) Далее Жижек утверждает, что философы спрашивают не «Какова структура всего?», а «Какие понятия ученый всегда уже должен предположить, чтобы сформулировать вопрос?» По его словам, «философия — это не „я, философ, верю в определенную структуру вселенной и т. д.“, а исследование предварительных условий — даже для повседневной жизни»⁷. И наконец, в момент нескрываемой контринтуитивной дерзости Жижек заходит настолько далеко, что предлагает идеалистический материализм. В его описании

...истинная формула материализма не в том, что есть ноуменальная реальность по ту сторону нашего искажающего восприятия. Единственная последовательная материалистическая позиция заключается в том, что мира не существует... Понятие мира как реальной вселенной *предполагает внешнего наблюдателя*, не включенного в нее⁸.

В противовес этому мнению мы должны настаивать, что Кант *не был* первым философом, что философы спрашивают «Какова структура всего?», что их утверждения *следует* резюмировать как «Я, философ, верю в определенную структуру вселенной» и что понятие мира как реальной вселенной *не* предполагает внешнего наблюдателя. Короче, я буду противостоять не только идеализму, но и его ослабленной версии, метко названной Квентином Мейясу «корреляционизмом»⁹. Корреляционисты — это философы, считающие, что бессмысленно размышлять о людях помимо мира или о мире помимо людей, что мыслить о них можно только в корреляции или связи между ними. До сих пор я, пожалуй, оставался в интеллектуальной компании Мануэля Деланда, являющегося, быть

6. Žižek S., Daly G. Conversations With Žižek. Cambridge: Polity Press, 2004. P. 26.

7. Ibid. P. 25–26.

8. Ibid. P. 97. Курсив мой. — Г. Х.

9. Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015.

может, единственным полноценным реалистом среди континентально ориентированных философов своего поколения¹⁰.

Что же касается акторно-сетевой теории Латура, то в некоторых отношениях она вообще не похожа на реализм. Хотя конструктивизм Латура — это не специфически антропоцентричная форма социального конструктивизма, он может оказаться тесно связанным с человеческими наблюдателями, даже когда объекты сталкиваются и сопротивляются. Латур определенно не является поклонником скрытой сущности, и в этом смысле я защищаю более «наивную» позицию, чем у Деланда и Латура. Но он вдохновляет тем достоинством, которым он наделяет объекты. В действительности, как замечал Латур в недавних работах, это равнозначно тому, что объекты или акторы используются *против* материализма. Для Латура все объекты находятся на одном уровне: химикаты, армии, корпорации и идеи. Тот факт, что все уровни одинаково реальны, означает, что материализм тотчас отпадает; философия больше не окропляет святой водой дом с привидениями, чтобы убить всех призраков. Что важнее, как гордо заявил Жижек, материализм на самом деле *является* формой идеализма. Он заменяет таинственную вещь, постижимую лишь частично, на довольно ограниченную концептуальную модель того, что воплощает эта вещь, а именно: некий вариант физической материи, занимающей место в пространстве и времени. Вместо жижековского идеалистического материализма я буду защищать реалистический формализм — «формализм» не в смысле математической формализации, а в смысле Френсиса Бэкона, когда формы скручены и сжаты как пружины внутри самих вещей. Это модель, в которой мир до краев наполнен призрачными сущностями, входящими в сети и ассамбляжи, но только очень узкими путями. Способ сообщения между этими призраками, вероятно, центральная проблема объектно-ориентированной философии, как то было для любой формы окказионализма: и у религиозных арабов с картезианцами, и у вольнодумцев-скептиков, их тайных родственников.

Онтология Деланда

Первые две главы новой книги Деланда представляют онтологию настолько ясно, насколько вообще можно ожидать. На мой взгляд, эту онтологию можно разобрать на пять ключевых аспектов; остальные производны от них:

10. DeLanda M. A New Philosophy of Society.

1. Деланда, очевидно, *реалист*, до сих пор один из немногих признанных реалистов, работающих ныне среди нас. Философия занята не человеческим доступом к миру, а самим миром. Если Жижек занимает одну откровенно крайнюю позицию в современной философии, то Деланда — другую. Конечно, ту, к которой склоняюсь и я сам.
2. Деланда противостоит понятию сущности. Хотя я бы предпочел защитить это понятие, Деланда в значительной степени сохраняет те аспекты сущности, которые стоит сохранить, правда, под другими именами.
3. Деланда вводит абсолютное разделение видов и родов. Для него это не просто относительные термины, зависящие от того, к чему обращаются в цепи ассамбляжей. Они обозначают две разные онтологические структуры. Вид — это всегда некоторый индивид, а род обладает *виртуальной* структурой и отсылает к топологическим «степеням свободы», разворачиваемым различными способами разными видами. Виртуальное играет более значимую роль в его книге о Делёзе, чем в последней работе, но в некоторых отношениях эта роль определена в новой книге лучше.
4. Деланда кратко развивает теорию *катализа* в противоположность механической причинности. Вместо причин, каждый раз ведущих к одним и тем же следствиям, Деланда указывает на случаи, где причина просто служит *катализатором* чего-то, не запуская его автоматически. Впрочем, он допускает, что линейная причинность есть, просто отрицает ее монополию в мире.
5. Деланда организует мир по двум осям. Он кратко упоминает третью ось, но подробно не описывает ее, и для меня не очевидно, что она принадлежит тому же уровню, что и две другие. Первая ось — различие между материальным и экспрессивным, вторая — знакомая пара *территоризации* и *детерриторизации*. Пересечение двух осей всегда дает четырехчастную структуру, и здесь Деланда не одинок: кроме Аристотеля и Иоанна Скота Эриугены, четверные онтологии можно найти у Мартина Хайдеггера, Френсиса Бэкона, раннего Шопенгауэра, Маршалла Маклюэна, в известном эссе Алена Бадью «О вычитании»¹¹, у ряда алхимиков и фигур нью-эйджа.

11. См.: Badiou A. Theoretical Writings. L.: Athlone, 2004. Ch. 9.

Все вместе эти пять принципов задают одну из самых прозрачных и амбициозных философий нашего времени. Далее я раскрою каждый из принципов и кратко разберу позицию Латура по тем же пунктам¹².

А. Реализм

Деланда заявляет, что он реалист, и на самом деле им является. Описанные в его книге структуры не требуют присутствия человеческого субъекта, будь то голое картезианское *cogito* или более яркий, определяемый языком и властью субъект. Хотя Деланда не предлагает никаких «доказательств» реализма, считайте меня одним из тех, кто не видит в них особой нужды. Наоборот, бремя доказательства лежит на идеалистах и корреляционистах с их невероятным взглядом, предполагающим, что мир можно свести к голограмме. Греющее нас солнце и поражающая нас болезнь сводятся к их явлению в сознании, а сопротивление мира подменяется переживанием сопротивления в наших умах. Это подходит интеллектуальному *Zeitgeist* лучше, чем предельный реализм. Но всегда можно, ничем не рискуя, пренебречь *Zeitgeist*, способным легко измениться всего за 3–4 года. Идеализм и корреляционизм по своей сути настолько неубедительны, что я уверен: их поддерживают в первую очередь потому, что реализм скучен и обрекает нас на измерение физических параметров серых комков материи, лишая философию воображения. Все, что нам нужно, — это снова сделать реализм странным (*weird*), обеспечив ему таинственное и парадоксальное будущее, и корреляционистская перспектива тотчас потеряет значительную часть своей привлекательности.

Задача в таком случае — избежать не реализма как такового, а старомодного реализма и его ловушек. Главная из них — произвольное разделение между естественной субстанцией и искусственным агрегатом, обнаруживаемое в великой традиции реализма от Аристотеля до Готфрида Лейбница. И субстанции, и агрегату Деланда противопоставляет свой центральный концепт — *ассамбляж*. Слово «ассамбляж» обозначает все реальные объекты, включая людей, камни, рынки зерна и национальные государства. Если

12. Подробнее я рассматривал идеи Латура в других статьях, а также в посвященной ему книге (*Harman G. Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics*. Melbourne: re:press, 2009; см. перевод фрагмента в: Харман Г. Государь сетей: Бруно Латур и метафизика // Логос. 2014. № 4 (100). С. 229–248).

каждый ассамбляж определяется как индивид, то каждый ассамбляж производится из доиндивидуальных компонентов. Это иллюстрируют многочисленные наблюдения. В первую очередь, возникновение должно быть реальным. Если ни атомы, ни естественные виды не получают привилегий, то нет смысла заявлять, что атомы реальнее атомных бомб, Манхэттенского проекта или, может быть, войны в целом. Это не значит, что нет таких вещей, как простые агрегаты. Скорее всего и по большей части, мы бы не стали заявлять, что существует реальный ассамбляж, сформированный Тихим океаном, Гельмутом Колем и множеством всех монет и бобов, которые когда-либо существовали и будут существовать. Можно было бы придумать причудливый сценарий, по которому этот странный ассамбляж мог бы обрести силу в мире, но для него потребовались бы значительные научные и механические усилия — и это доказывает, что такой ассамбляж еще не существует. Тот факт, что множество странных ассамбляжей могут стать реальными, не должен скрывать от нас, что они *сейчас не* реальны.

Деланда предлагает критерии того, что производит реальный ассамбляж. Один из них — что ассамбляж способен задним числом влиять на свои части. Абсурдность ассамбляжа Океан — Эксканцлер — Монета — Фасоль, нелепость его как всего лишь плода воображения частично демонстрируется тем, что он не влияет на каких-либо своих участников. Напротив, реальные ассамбляжи — это Лондон или Каир, *Opus Dei*¹³, паучья паутина и Мальтийский орден. Ассамбляж вводит свои элементы в новые ситуации и отношения. Для Деланда эмерджентные качества — еще один знак того, что ассамбляж реален. *Opus Dei* способен на бичевания и отравления, на которые в одиночку решились бы лишь немногие из его членов. Еще можно говорить об «избыточной причинности», тоже являющейся для Деланда меткой реального ассамбляжа. То есть компоненты *Opus Dei* избыточны, коль скоро ни один член ордена, вероятно, не является незаменимым; его ритуальная тайная организация будет воспроизводиться с мрачным постоянством, от поколения к поколению, долгое время спустя после смерти его нынешних членов. Традиционный реализм допускал только два онтологических уровня: субстанцию и агрегат. Деланда допускает бесконечное число уровней и, возможно, бесконечный регресс или бесконечный прогресс разномасштабных ассамбляжей. Наконец, реализм Деланда кладет конец органической или диалектической модели взаимодействия между вещами. Не существует

13. Организация Римско-католической церкви, светский орден. — Прим. ред.

внутренних отношений между отдельными вещами. Отношения внешни по отношению к своим членам, как в известном высказывании Делёза. Органические и неорганические объекты свободно движутся из ассамбляжа в ассамбляж, иногда нисколько не меняясь. Автомобильные запчасти легко переставляются с одной машины на другую, а футболисты, переходящие из клуба в клуб, сохраняют большую часть своих качеств без изменений. С этим шагом прекращается власть взаимной негативности, ведь вещи определяются их собственной внутренней реальностью. В общем, если бы вещи сами по себе были одним бесшовным целым, было бы невозможно понять, как вообще может возникнуть что-либо новое, ведь целое не содержало бы про запас ничего, кроме текущего положения дел. Вещи вовлечены в обратные связи, а не сплавлены в единую массу. Отношения — это вопрос симбиоза, а не организма.

Б. Антисущность

Несмотря на реалистическую позицию, Деланда не верит в сущность. Легко понять, почему реализм и эссенциализм обычно идут рука об руку. Если реальность вещи независима от нашего доступа к ней, из этого ясно следует, что вещь обладает важными ключевыми качествами, не затрагиваемыми нашим взаимодействием с ними, в отличие от реляционных или случайных (акцидентальных) качеств, скользящих по ее поверхности. Это предполагает введенное Деланда различие между неотъемлемыми *качествами* и реляционными *способностями* вещи. Это кажется справедливым; под титулом «эссенциализм» он отвергает две важные цели. Более легкая цель — учение Платона о сущности: бестелесные формы, которым причастны многочисленные конкретные вещи. Более важная для него цель — аристотелевская модель сущности, которую он еще называет «таксономической». Для Аристотеля все индивиды принадлежат к каким-то объединяющим видам. И хотя это, возможно, и не реифицирует универсальные качества на манер Платона, однако же создает абсолютный барьер между видами и более проницаемый барьер — между членами одного вида. В современных терминах, объекты коренятся в «естественных видах». Коль скоро Деланда отказался от идеи, что естественные вещи реальнее, чем искусственные ассамбляжи, ему легко отвергнуть естественные виды и любые иные разновидности постоянных сущностных барьеров между разными типами сущего. Это переключение фокуса с видов на индивидов часто связывается с именем Чарльза Дарвина, и Деланда открыто ссылается

на него. Хотя животные и склонны к репродуктивной изоляции благодаря закрытому от внешнего влияния генофонду, согласно теории эволюции, эти замкнутые «фонды» возникали в ходе долгой борьбы с климатом и конкурентами. Следовательно, разница между видами не более абсолютна, чем между двумя котами или двумя орлами. Нет такой вещи, как «орел», а есть только отдельные или сингулярные орлы. В определенном отношении это просто радикализует позицию Аристотеля, позволяя видам со временем меняться; акцент на индивидах присутствовал уже в аристотелевской метафизике.

Это дает два интересных взаимосвязанных вывода. Во-первых, индивидов следует рассматривать как исторические процессы. Здесь есть некоторая двусмысленность в позиции Деланда. В своей более ранней книге Деланда утверждает, что «в онтологии Делёза... вид (включая и естественный вид) определяется не своими сущностными чертами, а, скорее, породившим его *морфогенетическим процессом*»¹⁴. Это смещает акцент с конкретных индивидов на нечто вроде доиндивидуальной траектории, так что индивиды оказываются преходящей кристаллизацией более глубокого процесса. Эта теория противостоит не только эссенциализму, но и тому, что Рой Бхаскар и другие называют «актуализмом», — идее, что мир состоит только из вещей, как они есть здесь и сейчас. В то время как некоторые авторы хотят избежать актуализма через осуществляемые вещами потенциальности или управляющие ими законы, для Деланда эти решения недостаточно реалистичны, ведь они определяют реальность чем-то лежащим вне ее текущего состояния, ставя ее, таким образом, в зависимость от отношения. Дабы избежать ловушек актуализма, с одной стороны, и потенциальностей и закона, с другой стороны, Деланда придерживается мнения, что делёзовская *множественность* — лучшее решение. Он высказывается в пользу «аттракторов, которые никогда не актуализируются»¹⁵, и ставит генезис выше полностью сформировавшихся индивидов. Или, по крайней мере, так он резюмирует Делёза. Но из последней книги не вполне ясно, почему генетическому процессу должен быть отдан приоритет перед полностью сформировавшимися индивидами. Он повторяет свой ранний пример с атомами, сформированными в ядре солнца:

14. DeLanda M. Intensive Science and Virtual Philosophy. P. 9–10.

15. Ibid. P. 32.

Химические виды, как они классифицированы в периодической таблице элементов, могут быть реифицированы привязкой к существованию водорода, кислорода или углерода. Но можно признавать объективность таблицы, в то же время отказываясь реифицировать ее естественные виды. Атомы данного вида рассматривались бы как индивидуальные объекты, произведенные рекуррентными процессами [синтеза ядер], происходящими в недрах отдельных звезд. Даже если, в отличие от организмов, они демонстрируют меньшую изменчивость, тот факт, что они родились в конкретном процессе, дает каждому из них историю... [Поэтому] нет нужды в онтологической зависимости от существования «водорода вообще»: нужна лишь объективная реальность больших популяций атомов водорода¹⁶.

Но не вполне очевидно, что это требует изменения философского фокуса с полностью сформировавшихся атомов водорода на морфогенетическую историю, протекающую вне этих атомов. Они могли бы оставаться полностью индивидуализированными благодаря некоторым случайным осадениям, оставленными их индивидуальными историями, так что не требовалось бы, чтобы процесс как целое становился темой философии; на самом деле реальные вещи забывают большую часть своих историй. В таком случае генезис сам становится избыточным. Он релевантен лишь постольку, поскольку оставляет случайные отпечатки на каждом индивидуальном атоме. Этот пункт важен для меня, потому что, полагаю, онтологии стоит избегать не *актуализма*, а *реляционизма*. Единственный способ учредить объектно-ориентированную онтологию — не переключаться на процесс, поток, генезис, динамизм или протекание, а вместо этого учредить новую модель объектов как предельно свободных от любых отношений и частично сокрытых в своих личных вакуумах. Точно так же, как явная скука реализма вдохновила корреляционистскую догму, явная скука атомов и бильярдных шаров вызвала повальное увлечение криптогенетическими всплесками *élan vital* и мощными гераклитовскими потоками. Я предлагаю иное решение, согласно которому атомы и бильярдные шары гораздо страннее, чем считалось, как и мрамор, змеи, кометы и воздушные шары. Индивидуальный объект актуален или реален, но не становится жертвой никаких отношений.

Пример синтезируемых в ядре звезды атомов водорода затрагивает и второй вывод Деланда: индивиды встречаются в *популя-*

16. *Idem*. A New Philosophy of Society. P. 27–28. Курсив мой. — Г. Х.

циях. Из этих популяций могут возникать новые ассамбляжи. Это может быть огромное множество людей, из которого кто-то станет юристом или буддистом. Или это может быть большая популяция неодушевленных объектов, и некоторые из них (воспламеняющиеся в правильном месте в правильное время) объединяются в топливо для бушующего лесного пожара. Хотя Деланда не останавливается на этом пункте подробно, из этого следует, что каждый индивид имеет множество качеств, кроме тех, что делают его частью популяции. Для юридической карьеры могут понадобиться определенные ораторские навыки — навыки, не нужные всем представителям человеческой популяции; кому-то понадобятся особые свойства темперамента, чтобы найти привлекательным буддизм. Тогда вдобавок к характерным для всей популяции чертам мы наделены многочисленными качествами, которые можно назвать случайными. Они не нужны для членства в популяции людей, но в подходящих обстоятельствах могут втянуть нас в новые и невообразимые ассамбляжи. Как Деланда замечает в другом месте книги, важны именно «случайные столкновения»¹⁷. Мы все — дети случая, коль скоро все мы обладаем качествами и способностями, которые не задействованы в текущей ситуации, но могут стать решающими, когда произойдут определенные случайные события. Вы можете оказаться единственным человеком в данном месте с нужной генетической структурой, которая позволит выжить в надвигающейся эпидемии лихорадки Эбола, и поэтому одним из немногих, кто выживет, чтобы позже восстановить человеческий вид, так что иные ваши более случайные особенности станут ключевыми структурными признаками грядущей человеческой расы.

В. Виртуальное

Как бы то ни было, нет никаких видов, а есть только популяции индивидов, каждая со своей оригинальной и неповторимой историей. *Актуальны* только отдельные индивиды, даже если некоторые части их актуальности — это способности, не обнаруживающие себя до подходящего момента; в этом смысле потенциальное есть лишь производная форма актуального. Но наряду с ними есть виртуальное, и в последней книге Деланда роль виртуального играет *род*. Здесь мы находим неожиданную тему, рассматриваемую менее подробно, но, возможно, более ясно, чем в преды-

17. Ibid. P. 21.

дущей работе. Хотя мы и можем заменить виды Аристотеля индивидуальными сингулярностями, Деланда утверждает, что нельзя сделать то же самое с классами более высокого уровня. Он ссылается на биологические царства (такие как растения или животные) и типы, «включая типы „хордовых“, к которым люди как позвоночные принадлежат»¹⁸. Он полагает:

Тип может быть рассмотрен как абстрактное тело-план, общее для всех позвоночных; как таковой он не может быть охарактеризован с использованием метрических понятий вроде длины. <...> Поэтому только не-метрические или топологические понятия, такие как всеобщая связность различных частей тела, могут быть использованы, чтобы определить его¹⁹.

В качестве примера он заимствует у Макса Вебера различие трех типов социальной легитимации (традиционный, бюрократический и харизматический типы), превышающих любое свое возможное воплощение в том или ином обществе.

Деланда использует понятие «пространства возможностей», чтобы определить эти базовые топологические типы. Обращаясь к своей ранней книге, он также отсылает к «фазовым пространствам», «аттракторам» и «степеням свободы». Родственными понятиями являются «топологические инварианты» и «*универсальные сингулярности*», противопоставленные, конечно, индивидуальным. Делёзовский термин «диаграмма» тоже в деле. Если вид может быть редуцирован к индивидам в популяции, то, как считает Деланда, виртуальные пространства возможности скорее предшествуют любым популяциям, чем возникают из них. В этом смысле он одновременно поддерживает номинализм вида и реализм рода (или, может, нам следует сказать *виртуализм* рода). Для Деланда важным следствием виртуальности рода является «независимость-от-механизма». По его словам,

...анализ в теории ассамбляжа не концептуальный, а причинный, направленный на открытие *актуальных механизмов*, действующих в данном пространственном масштабе. [Кроме того,] топологическая структура, определяющая диаграмму ассамбляжа, не актуальна, а *виртуальна и независима-от-механизма*,

18. Ibid. P. 28–29.

19. Ibid. P. 29.

способна быть реализованной в разнообразных актуальных механизмах...²⁰

Иными словами, она имеет не причинный, а *квази-причинный* характер — еще один знакомый читателям Делёза термин.

Г. Катализ

В квазипрочине мы находим соперника обычной механистической теории линейной причинности, которая утверждает, что одни и те же причины всегда вызывают одни и те же следствия. Деланда упоминает и других соперников, прежде всего катализ и статистическую причинность. Давайте оставим здесь в стороне статистическую причинность, поскольку споры о том, понимать ли ее в онтологических терминах (как подлинную, копенгагенскую неопределенность²¹ в природе) или же в сугубо эпистемологических (как неспособность познать детерминистическую вселенную с точностью большей, чем статистическая), бесконечны. Взглянем вместо этого на катализ. Например, курение для рака легких скорее катализатор, чем причина. Кто-то неудачно заболевает раком из-за незначительного количества дыма в среде, в то время как другие жить не могут без сигарет и кальяна, но остаются невредимы. Генетические и диетические факторы тоже влияют на появление рака, а курение просто опасный катализатор для этого заболевания.

Об этом можно сказать немало интересных вещей. Во-первых, хотя Деланда использует для подрыва линейной причинности и квазипричины, и катализаторы, это вовсе не одно и то же. Предполагается, что квазипричины принадлежат виртуальному фазовому пространству, а катализаторы сугубо актуальны. Катализатором для рака были бы отдельные конкретные сигареты, а не какая-то ускользающая топологическая степень свободы. Далее нам следует спросить, является ли катализатор *качеством* вещи или ее *способностью*. Скорее всего, способностью.

20. Ibid. P. 31.

21. Речь идет о Копенгагенской интерпретации квантовой механики, сформулированной Нильсом Бором и Вернером Гейзенбергом, согласно которой квантовая механика описывает не атомные объекты сами по себе, а их проявления во взаимодействии с измерительными приборами, используемыми для наблюдения, причем чем точнее измеряется одна из характеристик объекта, тем менее точно возможно измерить другую. — *Прим. ред.*

Сам термин «канцероген» в отношении табака означает его *способность* вызывать рак в живых организмах, *способных* генерировать раковые клетки. Иными словами, именно способности делают всю реляционную работу для Деланда, однако они должны быть как-то основаны на реальных качествах, иначе бы они не существовали. Но что *есть* это не-реляционное качество? Можем ли мы сказать, что «канцерогенный» обозначает способность табака вызывать рак в живых организмах и что не-реляционные качества табака принадлежат вместо этого его молекулярной структуре? Это больше похоже на позицию кого-то вроде Сола Крипке. Проблема в том, что сама эта молекулярная структура является ассамбляжем и поэтому построена из способностей своих «индивидуальных элементов» (конструирующих ее). Но даже если бы это было не так, молекулярная структура занимает в пространстве определенное место со специфическими метрическими отношениями с окружающими вещами. Судя по всему, нет способа отделить актуальное от реляционного, и поэтому все «качества» (в обычном смысле) сводятся к способностям, если только мы не сделаем все качества виртуальными или квазипричинными, лежащими вне любой индивидуальной вещи. Но тогда взаимодействовать будут не вещи, ведь они окажутся всего лишь стерильными кристаллизациями на поверхностях динамического производящего процесса. Это возможный вариант. Но лучший вариант заключается в том, чтобы допустить не-актуальные качества, принадлежащие конкретным индивидуальным вещам, которые превосходят свои отношения ко всем другим объектам. Определение индивидов как исключительно актуальных редуцирует их к положениям дел, от которых затем мир спасается добавлением более глубокого уровня квазипричин. Это кажется мне лишним, поскольку нет никакой нужды думать об объектах в первую очередь как о положениях дел; одно и то же дерево поддерживает множество восприятий себя другими сущностями и может быть проведено через всевозможные сценарии, оставаясь одним и тем же деревом. Если не начинать с объекта как положения дел, тогда я не вижу причин смещать внимание онтологии с индивидуальных сущностей на морфогенетические траектории или лежащее глубже конкретных объектов реальное/виртуальное топологическое пространство.

Деланда делает еще несколько замечаний по поводу важности нелинейной причинности. В отличие от логики, где каждый шаг выводится из предыдущего с механической необходимостью, причинность *продуктивна*. В следствии всегда заключено боль-

ше, чем в причине, и снова возникает подозрение, что это «большее» наиболее явно в *случайных* свойствах следствия. Если одна и та же пара рождает троих сыновей, то это сыновья популяция, в которой каждый обладает особыми индивидуальными свойствами, превышающими то общее, что они наследуют от родителей. Два сына, быть может, нобелевские лауреаты, а озлобленный третий — беспощадный убийца. Деторождение в этом смысле «продуктивно», притом что одинаковые дети не порождаются с механической регулярностью одними и теми же родителями. Это только отчасти шутка. Но, что удивительно, Деланда думает, что линейная причинность *иногда* случается. Учитывая, что, по его мнению, все взаимодействия в мире должны вовлекать двух уникальных индивидов (даже если работу причинности выполняет более глубокая виртуальность) и даже атомы углерода являются уникальными, каждый со своей исторической траекторией, — учитывая это, зачем вообще нужно существование линейной причинности? Ему стоило во всех случаях, полностью, заметить причинность катализом.

Д. Двойные оси

Завершим этот раздел рассмотрением четырехчастной структуры мира. Наиболее известные в истории философии четверицы — причины Аристотеля и таинственные хайдеггеровские земля, небо, боги и смертные. Но если начать всерьез искать четверицы в философии, то можно обнаружить их везде; на деле они обычно открыто провозглашаются своими авторами и потому не требуют для своего обнаружения изощренного «прочтения» или усердных раскопок. Фактически всю историю философии можно переписать через эту тему. Интерпретация космоса строго через четверицу будет получаться всякий раз при пересечении двух основных дуализмов. Сохраняя структурную ясность дуализма, четверица избегает его парадоксальной монотонности, добавляя в мир некоторую напряженность. Любая четырехчастная онтология должна делать две вещи. Во-первых, она должна ручаться, что два ее основных дуализма достаточно глубоки, чтобы гарантировать схватывание костяка мира. Утверждение, что все в мире либо тигр, либо не-тигр и либо сердитое, либо не-сердитое, покрывает все возможное сущее, но это, очевидно, онтология для дураков. Большинство философий четверицы легко избегают этой опасности, хотя дуализмы одних лучше, чем дуализмы других. Во-вторых, все четверицы должны объяснить взаимоотно-